

Цзянькан, шестой год.

Солхахан отсутствовал в столице, и у Вэй Чи работы поубавилось ровно наполовину. По утрам, кроме выполнения рутинных обязанностей, он почти не покидал пределов двора, а после обеда, если только Ван Юньи не взбрело в голову устроить внезапную переключку, Вэй Чи мог спокойно сидеть у себя в комнате и дожидаться ужина.

Ван Юньи сейчас был занят по горло, ему было совсем не до того, чтобы проверять своих подчиненных, так что Вэй Чи переживал самый безмятежный период за всю свою службу. Впрочем, скучно ему не было: экзотический колорит служил отличной приправой к жизни, а прогулки по окрестностям доставляли свое удовольствие. И все же, несмотря на покой, Вэй Чи чувствовал себя одиноко. Чэнь Ху ни за что не согласился бы составить ему компанию: он был трусоват, боялся, что если двор опустеет, кто-нибудь принесет важное послание, а его не окажется на месте, и он получит нагоняй. К тому же он опасался, что Вэй Чи грозит опасность, поэтому, стоило завести разговор о прогулке, как Чэнь Ху не только отказывался, но и начинал отговаривать самого Вэй Чи. После нескольких попыток Вэй Чи перестал поднимать эту тему. Ду Лан и Ху Янлинь были вечно заняты, отдыхая лишь полдня раз в десять дней. Ду Цихуань и Сюй Юэ были посвободнее, но первый был страшным соней — стоило ему выкроить свободную минуту, как он тут же засыпал, и разбудить его не было никакой возможности. Сюй Юэ же любил выбираться за город, чтобы собирать камни на холмах. Вэй Чи пару раз ходил с ним, таская за собой полотняный мешок, но счел это занятие донельзя скучным и оставил эту затею.

Сюй Лан несколько раз приглашал Вэй Чи в кабачок. Человек он был приятный, и темы для разговоров находились, но вот беда — при расчете по счетам он каждый раз не спешил доставать деньги, а лишь хитро посмеивался, наблюдая, как Вэй Чи выкладывает серебро. Вэй Чи пару раз его подколол, но этот богатый повеса лишь крепче прижимал кошелек и довольно скалился.

Короткое и драгоценное лето Мо-Нани незаметно подходило к концу.

— Эй! — раздался голос прямо над забором, пока Вэй Чи сидел во дворе, погруженный в книгу.

Вэй Чи поднял голову. Кто же это мог быть, если не та самая дикарка?

— Послушай! — Вэй Чи поспешно запер ворота и стащил Сянгенацзи с забора. — Ты хоть подавай знак, прежде чем явиться! Вечно выскакиваешь, как земляная крыса.

Сянгенацзи отряхнула пыль с одежды:

— Кто еще может прийти, кроме меня! Я уже здесь, зачем еще о чем-то предупреждать?

— Твоего отца сегодня снова нет? — Вэй Чи налил ей воды, и девочка, приняв чашку, залпом осушила ее.

— Не знаю, к кому он отправился, в последнее время его дома почти не застать, — Сянгенацзи вытерла губы. — Сегодня пойдешь со мной!

Проведя с ней немало времени, Вэй Чи все лучше понимал, почему отец так ее баловал — она была мастерицей придумывать приключения! Каждый день у нее находилась новая затея, и она не успокаивалась, пока не перевернет все вверх дном. После того как они стали ближе, она отбросила показную сдержанность и вела себя так же, как дома.

— Скоро мой день рождения! Ты обещал отблагодарить меня, что ты приготовил? — игриво спросила Сянгенацзи.

Что приготовил? Вэй Чи, чей кошелек не отличался толщиной, внутренне замялся:

— А что бы ты хотела?

Сянгенацзи украдкой подумала: разве нельзя просто подарить мне себя? Конечно, вслух она этого сказать не посмела. Этот Вэй Чи, хоть и не был силен в боевых искусствах, любил пакостить: то поймает змею, чтобы напугать ее, то подложит в карман цветок с червями, а когда она начинала рыдать от страха, он не спешил на помощь, а лишь стоял в сторонке и ехидно улыбался.

Сянгенацзи лукаво повела глазами:

— Хочешь посмотреть на мое озеро?

Ее озеро. О, люди высокого положения, такие как принцессы, часто имели во владении водоем, связанный с их днем рождения. Вэй Чи вспомнил озера, которые видел по пути во дворец Флодамо, но те были лишь мелкими прудами, появлявшимися в зависимости от сезона — красивыми, но недолговечными. Те же, что предназначались для празднования дня рождения, были вечными, никогда не пересыхающими озерами.

Вэй Чи с улыбкой посмотрел на девочку и кивнул.

Раз уж они находились на землях армии Ци, скрываться не было нужды. У того, чтобы быть мужчиной, есть свои преимущества — окружающие лишь похвалят за пылкость. Вэй Чи взял веер, велел Чэнь Ху подогнать карету к задним воротам, и они направились напрямик за город.

Это было удобно. Конечно, каретка Вэй Чи не шла ни в какое сравнение с той, что была у принцессы, но дорога была довольно ровной, так что ехалось вполне комфортно. Меньше чем через полчаса они прибыли к небольшому поселению недалеко от Самигоя. Озеро Самигоя образовалось из притока большой реки, протекавшей за городом. Вода в нем была прозрачной, а в центре — невероятно глубокой. Говорили, что рыбаки вылавливали там пятифутовых карпов. Это озеро и было озером Сянгенацзи, дарованным ей небесами для защиты.

Отпустив возницу, они направились к озеру пешком. Был конец лета, и Мо-Нани была прекрасна до слез: воздух был напоен ароматами цветов и трав, в густой траве прятались дикие птицы, чье пение не умолкало ни на минуту. Пройдя около четверти часа, они увидели перед собой лазурную гладь. Вода была неподвижна, как каменное зеркало. Озеро было не слишком большим, с холма можно было разглядеть противоположный берег, но к северу оно становилось глубоким, и вода там отливала чернотой.

— Это все принадлежит тебе? — Вэй Чи указал на озеро.

— Нет! — Сянгенацзи показала на храм у воды. — Мое вот это.

Оказалось, что пожалованным был лишь этот небольшой храм. Озеро не принадлежало ни самой Сянгенацзи, ни ее семье, она лишь пользовалась оказанной ей честью. Вдоль берега стояло еще несколько подобных построек, по-видимому, другие высокопоставленные особы тоже делили эту привилегию.

— Те, другие, принадлежат другим принцессам, но они уже давно выросли. А когда родилась я, Его Величество позволил отцу построить этот храм для моей защиты.

Они спустились с холма к берегу. Кроме храмов, у воды виднелись лачуги — жилища рыбаков. Они не образовывали деревню, но старались держаться поближе к храмам. Говорили, что в дни сильных бурь храмы открывали свои двери, чтобы дать приют беднякам, а в обычные дни рыбаки по очереди выполняли там мелкую работу.

Хотя они не были рабами, жизнь их была жалкой и бедной.

Вэй Чи подошел к одной из лачуг. Пяти-шестилетний мальчик играл на отмели с большой, тощей черной собакой. Увидев приближающихся гостей, пес залаял. Ребенок, заметив двух богато одетых людей, испугался, схватил пса за шерсть на загривке и потянул в сторону лачуги. Оттуда вышла смуглая женщина, вытирая руки о фартук. Увидев знатных особ, она испугалась, пнула собаку и простерлась ниц.

Вэй Чи сделал несколько шагов вперед, жестом приглашая женщину подняться, достал из кошелька три монеты, показал их ей, а затем указал на лодку у берега.

Женщина замаялась, но, видя, что гости одеты богато и ведут себя учтиво, не смогла отказать. Она принесла из дома старую рыболовную сеть, устлала ею дно лодки и передала Вэй Чи узкое весло.

— Она говорит, что ты не умеешь грести! — с беспокойством перевела слова женщины Сянгенацзи.

— Не бойся. Я вырос у воды. Эта лодка хоть и мала, но все же шире наших рыбацких челноков.

Я справлюсь, просто садись.

Сянгенацзи было страшно, но она осторожно забралась в лодку. Когда она уселась, Вэй Чи резко оттолкнулся от берега, и в момент, когда лодка коснулась воды, ловко прыгнул внутрь. Суденышко, подобно белой лягушке, прыгнувшей в воду, устремилось к середине озера.

— Там, где я вырос, у прудов росло много полыни. К концу лета все вокруг становилось белым. На стеблях полыни росли такие водяные орешки, красные, кислые до невозможности. Мы, мальчишки, любили их жевать, хвастаясь своей смелостью. Сейчас вспоминаю об этом, будто это было вчера, — Вэй Чи греб и рассказывал, сам себе улыбаясь. Сянгенацзи, в отличие от Солхахана, терялась, когда Вэй Чи говорил длинными фразами, полными сложных слов, но иногда она предпочитала слушать это бормотание. Ее непонимание вызывало улыбку, и Вэй Чи отбросил всякую осторожность.

Лодка плавно скользила вперед, а Сянгенацзи, подперев щеку рукой, слушала рассказ о детстве в далеких краях. Она не знала, что такое водяные орешки или полынь, но чувствовала в голосе этого мужчины ту озорную нотку, которой не было у окружающих его людей, и которая была так похожа на ее собственную.

— Рядом с прудом жила семья, очень трудолюбивая. Их младшая дочь была особенно красива, как и ее мать. Я помню, ее звали Аин. Каждый раз, когда мы воровали у них стрелолист, она бросала в нас комьями грязи. Когда мы возвращались в академию, наставник, видя нас в грязи, сразу понимал, что мы снова набедокурили. После взбучки нас заставляли идти к ним с извинениями. Ее мать была доброй, она лишь грозила нам пальцем, не сердясь по-настоящему. А когда наставник успокаивался, она угощала нас жареным арахисом. Позже Аин вышла замуж, а я вырос. Проходя мимо их дома, я иногда встречал ее мать, и она спрашивала: ну что, маленький грязнуля, стал ученым господином, пришел снова за стрелолистом? Ха-ха-ха...

— Вышла замуж?

— Да, вышла за человека из соседнего городка по фамилии Ли. В тот день, когда она уезжала в свадебном паланкине, у нас в академии были экзамены. Когда я сдал работу и вышел, паланкин уже скрылся из виду. Не знаю, стала ли она счастлива с тем, кого даже не видела.

— Наверняка стала, — серьезно сказала Сянгенацзи.

Вэй Чи, глядя на ее уверенный вид, удивился:

— Почему ты так уверена? Они ведь даже не были знакомы. Неизвестно, был ли жених высоким или низким, толстым или худым, какой у него нрав, пьет ли он, трудолюбив ли... Эх, жизнь так переменчива.

За любопытством скрывалась легкая грусть. Девочка из глубокого детства давно стерлась из памяти, но для Вэй Чи эта смысленная старшая подруга была ярким пятном в монотонности академических будней. Когда она собиралась замуж, Вэй Чи по просьбе родителей нарисовал

для нее картину с утками-мандаринками, чтобы она вышила ее на красном покрывале. Картина получилась очень живой, и семья была в восторге. Аин уже была просватана, и уединение с таким парнем, как Вэй Чи, могло вызвать пересуды, поэтому она лишь вручила ему сверток с цукатами, провожая до ворот.

Выйти замуж за незнакомца — разве это повод для такой радости? — спросил тогда маленький глупый Вэй Чи.

— Глупый мой братец! — Аин щелкнула его по лбу и сунула цукаты в руки. Вэй Чи тогда обиделся, насупился, задрал нос.

Когда он, дуюсь, дошел до края деревни, то услышал вдалеке песню.

Лунный серп зацепился за горную вершину, рыбачья лодка замерла у берега. Жених смотрит на пик в надежде увидеть милую, милая ждет жениха у реки. Кто вышел золотой кошелек, чтобы подарить его жениху для защиты? Кто сплел золотую заколку, чтобы подарить ее милой? Кошелек и заколка так подходят друг другу, жених и невеста — единое целое...

Аин не было видно, лишь песня летела высоко-высоко.

Жених и невеста — единое целое? Вэй Чи усмехнулся:

— Разве так часто встречаются идеальные пары, дарованные небесами?

— Счастье возможно и без идеальной пары, — Сянгенацзи развела руками. — Если счастье — это десять частей, ты даешь одну, а она девять — разве это не десять? А бывает, ты даешь четыре и она четыре — вроде хорошо, но выходит только восемь. Ты говоришь, что идеальные пары даруют небеса, а может, дело в другом?

Вэй Чи позабавили рассуждения Сянгенацзи:

— А если кто-то не дает ни одной части?

Сянгенацзи опустила глаза:

— Тогда я отдам ему все десять.

Я отдам ему все десять!

Цветы персика распускаются пятнадцатью лепестками, а в сердце милой лишь один... Жених уплыл на лодке и не возвращается, милая ждет восемь, десять лет... У нее нет сил поднять тысячу золотых, но сердце ее тверже золота...

Песня, преодолев время, эхом отдавалась над озером. Белый тофу, острая лапша, ветер далекой родины, казалось, смешался с влажным воздухом степи.

Вэй Чи улыбнулся:

— Ты чем-то похожа на Аин.

Вэй Чи хвастался, что умеет грести, но вглубь заплывать не решался. Тот, кто действительно знает воду, понимает, сколько водоворотов скрывает гладь, особенно в глубоком озере. Остудившись, Вэй Чи причалил к берегу.

Сянгенацзи была так увлечена историей, что даже не заметила, куда они заплыли. Когда она почувствовала прохладу, лодка уже была у берега. Женщина приняла швартов и низко поклонилась. Сянгенацзи уже хотела подняться на холм, как вдруг увидела, что Вэй Чи вытащил какую-то безделушку и сунул ее ребенку.

— Что это? — спросила Сянгенацзи.

— Награда за поло-матч. Императорские подарки нельзя продавать, а эта штука как раз была у меня с собой. Ребенок показался мне милым, вот я и подарил ее.

Храм Сянгенацзи стоял на холме и издалека напоминал золотой колокольчик. Монах, охранявший святилище, был из их рода, и, увидев хозяйку, поспешил принять ее с почестями.

Узнав, кто такой Вэй Чи, он лично поднес ему чаю. Вэй Чи отпил немного — это был свежий зеленый чай с утонченным вкусом. Маленькая чашечка была округлой и изящной, на ней красовалась надпись: Аромат холодной реки.

Сянгенацзи быстро выпила чай и потащила Вэй Чи поклониться главному знамени. В отличие от дворца Флодамо, это был жертвенный храм, где не поклонялись богам, а лишь чттили знамя с вышитой датой рождения Сянгенацзи. Оно висело за занавесью, а перед ним курились благовония и лежали подношения. По обе стороны от входа стояли фигурки маленьких демонов — считалось, что они оберегают хозяина от всех бед.

— У вашей принцессы тоже есть такой храм? — Вэй Чи было любопытно, какой храм могла бы построить Кикигэ, милая на вид, но с характером совсем не сладким.

— Она не человек, у нее нет храма, — Сянгенацзи надулась, явно недовольная. — Ты все время думаешь о ней! Хм!

Вэй Чи покраснел:

— Как можно говорить такие вещи!

Сянгенацзи отвернулась:

— Она живой Будда! Она защищает других, зачем ей жертвенный храм? И не смей думать о том, чтобы ее полюбить, она все равно не посмотрит на какого-то там заурядного мужчину.

Вэй Чи опешил. Откуда это любопытство вдруг переросло в безответную любовь? И что значит — заурядный мужчина?

— Ее любят тысячи и тысячи! — Сянгенацзи жестикулировала. — Тебе придется встать в очередь до самого края города!

Вэй Чи было смешно и досадно. Он решил поддразнить ее:

— Неужели до самого города? Может, достаточно просто дойти до ворот ее дворца?

— Посчитай сам, — Сянгенацзи начала загибать пальцы. — Три великих рода, новая знать, сановники, родственники, кланы... Сколько это людей? Они вытеснят тебя за город!

— Да-да, — усмехнулся Вэй Чи. — Вся ваша Мо-Нани любит ее! Скажи лучше, кто стоит первым в этой очереди.

— Не скажу! — Сянгенацзи сверкнула глазами. — В любом случае, ты — последний!

Вэй Чи рассмеялся:

— Почему ты так ее не любишь? Стоит мне упомянуть ее имя, как ты тут же надуваешь губы, как поросенок.

Сянгенацзи смущенно пробормотала:

— Ты любишь ее больше, чем меня! Раньше я ее не ненавидела, а теперь ненавижу! Больше всех ненавижу!

— Эй-эй, у нас был договор! — Вэй Чи погрозил пальцем.

Сянгенацзи топнула ногой:

— Знаю! Но ты все равно должен любить меня больше! Иначе я буду вечно ее ненавидеть, так и порешили.

Вэй Чи не слишком разбирался в сердечных делах, но в первый же день заключил с Сянгенацзи договор, чтобы избежать неприятностей. Все началось с ее элегантной матери: раз уж она просила обращаться с дочерью как с младшей сестрой, мог ли он отказать? В конце он даже припугнул девочку, рассказав, что в Центральных равнинах за тайную помолвку могут и в

свиной клетке утопить. Он так красочно это описал, что девочка больше не смела заводить разговор о браке.

— Я все равно тебе младшая сестра, а она тебе никто, не смей ее любить, понял? — Сянгенацзи так трясла Вэй Чи, что у него закружилась голова.

— Да-да, я ее не люблю, обещаю! — Вэй Чи подумал, что если бы Кикигэ узнала об этом, она бы от души посмеялась.

Получив уклончивое обещание, Сянгенацзи все еще была недовольна, и Вэй Чи пришлось немало постараться, чтобы ее утешить.

— Покажу тебе мои сокровища! — Сянгенацзи быстро отошла и потянула его во внутренний двор. Комнаты там напоминали мастерские вышивальщиц.

Это были не просто сокровища, а целая коллекция!

Вэй Чи шел мимо рядов высоких шкафов, поражаясь увиденному. Сянгенацзи подвела его к самому дальнему и опустилась на колени:

— Смотри!

Она выдвинула ящик и достала круглую шкатулку. Внутри было множество ячеек, в которых лежали морские кристаллы — драгоценность, добываемая в Мо-Нани. Вэй Чи показалось это знакомым: мать Сянгенацзи подарила ему такой же, вставленный в золотое кольцо. Золото и камень заставили сердце Вэй Чи дрогнуть. Он вспомнил о своей выдуманной невесте — владелице того кольца, и, сетуя на себя, заодно попенял на Ван Юньи, на знатную даму из дома Шифэнъя и, заодно, на Кикигэ. Ситуация становилась все запутаннее. Эта девочка, не зная правды, просто искренне к нему тянулась, довольствуясь вымышленным образом, который он сам создал из хитрости и эгоизма.

Надо будет как-нибудь познакомить ее с этой несуществующей невестой, чтобы она не тратила свою искреннюю привязанность на того, кто этого не заслуживает.

Сянгенацзи, не подозревая о муках совести Вэй Чи, старательно выбирала камень. Каждый кристалл был уникален. Какой из них похож на Вэй Чи? Если оранжевый напоминает мать, синий — отца, старший брат — ярко-зеленый, третий — алый... то Вэй Чи? Он не был похож на какой-то один цвет, скорее на запах — легкий, будто магнолия после дождя.

Этот! Вот этот! Сянгенацзи протянула ему почти прозрачный камень, ярче хрусталя, похожий на янтарь, с золотистыми прожилками внутри. Морские кристаллы были удивительны: сами по себе бесцветные, они приобретали окраску благодаря примесям. Самыми ценными считались пестрые — чем больше цветов, тем лучше. Тот камень в кольцо был почти пятицветным.

Этот же, с золотистыми вкраплениями, был довольно обычным.

Сянгенацзи была довольна. Повертев камень в руках, она зажала его двумя пальцами, повернула, нажала — и круглая бусина разделилась на две половинки.

Оказалось, это механизм! Мастера сделали внутри углубление, а узор камня скрывал место соединения. Сянгенацзи приложила половинку к маленькому ящику на шкафу:

— Это твой!

Вэй Чи заметил, что у всех ящичков были ручки, сделанные из таких половинок. Без них открыть гладкий ящик было невозможно.

Сянгенацзи вложила вторую половинку в руку Вэй Чи:

— В Мо-Нани так принято: на день рождения нужно приходить к озеру. Друзья и родственники присылают подарки заранее, и с помощью этой половинки камня их кладут в ящик, а монах записывает имя. Когда ты придешь с этой половинкой, монах примет тебя.

Оказывается, не каждый мог сделать подарок! Вэй Чи был поражен. Если бы не эта игра, он бы и не смог порадовать маленькую принцессу Нацзи! Как же много свободного времени у этих аристократов... Внезапно он вспомнил ту неизвестную принцессу. Не на пути ли от своего озера она встретила генерала Сюэ? Из радости получения подарка она попала в водоворот гибели своей семьи. Эх, в этом была и его доля вины.

— Что такое? Ты не рад? — Сянгенацзи заметила, что Вэй Чи побледнел.

— Нет, нет, — Вэй Чи мягко улыбнулся. — Я обязательно пришлю тебе хороший подарок.

В качестве искупления.

В это время Солхахан, никого не предупредив, вернулся в резиденцию принцессы. Ему нужно было показаться людям Ван Юньи и разобраться с накопившимися делами. Закончив, он вспомнил:

— Вы ходили в Таяси?

— Слуга ходил, уведомил адъютанта генерала Вана, но Вэй Цэцзянь ушел.

Ушел? Солхахан нахмурился:

— Сходите еще раз. — Подумав, он добавил: — Впрочем, не надо, уже поздно, не ищите ее.

<http://bllate.org/book/21780/2252240>